

Къ вопросу о значеніи Кіевской Академіи для православія и русской народности въ XVII—XVIII в.в.

(Можетъ ли Кіевская Академія быть признаваема „единственно только посредницею между западною и восточною культурою, не имѣвшею въ себѣ ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго“ на протяженіи времени ея существованія 1615—1800 гг.? По поводу статьи г. Яблоновскаго А. подъ заглавіемъ: „W sprawie „Akademii Kijowsko-Mohilan'skiej“, wydanej w 1900 г. „ad honorem quingentesimi anniversarii almae matris Jagellonicae“. См. Kwartalnik Historyczny. Rocznik XVI zeczyt 4 за 1902 г. we Lwowie)¹⁾.

Я позволяю себѣ въ настоящемъ собраніи нашего общества выступить съ посильнымъ словомъ въ защиту чести нашей Кіевской духовной Академіи, какъ прекраснаго и дорогого достоянія русской православной церкви и всего вообще русскаго народа. Всѣ мы—не только ученики нашей дорогой Академіи, но даже и всѣ вообще русскіе образованные люди привыкли смотрѣть на Кіевскую духовную Академію, какъ на школу чисто русскую, православную, созданную въ самомъ началѣ кіевскими богоявленскими братчиками для защиты православной вѣры и русской народности отъ натиска на нихъ со стороны польско-латинской культуры, бывшую и впоследствии самымъ сильнымъ оплотомъ православія и русской народности въ борьбѣ съ католичествомъ и полонизмомъ.

¹⁾ Рефератъ, читанный въ Церковно-Историческомъ и Археологическомъ Обществѣ при Кіевской духовной Академіи 13 октября 1903 года.

Такъ именно понимали идею, цѣль существованія Киевской Академіи сами основатели и организаторы ея; такъ же смотрятъ на это дѣло и лучшіе авторитетнѣйшіе русскіе историки нашей Академіи.

Кіевскіе богоявленскіе братчики, основывая свою братскую школу, родоначальницу нашей Академіи, видѣли въ ней самое надежное средство къ возвышенію религіозно-нравственнаго значенія православной церкви и твердую опору противъ иновѣрной пропаганды. *„Отъ наукъ хвала Всемоущаго Бога на земли множитсѣя, поитѣхъ родичомъ изъ сыновъ наказанныхъ растетъ, Речи Посполитой оброна моцная и оздоба предивная фундуется и цвѣтетъ“*, говорятъ богоявленскіе Кіевскіе братчики въ своемъ первоначальномъ „Уписѣ“ (начатомъ въ 1615 г. См. у проф С. Голубева. Исторія Киевской духовной Академіи. Выпускъ первый I. Періодъ до-могилянскій. Кіевъ. 1886 г. Прилож. 1 стр. 2).

Еще опредѣленнѣе свой взглядъ на значеніе школы для православія Кіевскіе богоявленскіе братчики высказываютъ въ письмѣ къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, говоря слѣдующее: *„училище отрочаѣмъ православнымъ милостию Божиєю языка славено-русскаго, славно-греческаго и прочихъ баскаловъ великимъ иждивеніемъ устроихомъ, да не отъ чуждаго источника пьюще, смертоноснаго яда западныхъ схизмы упишесѣя, ко мрачно-темнымъ римляномъ уклоняются“* (См. Арх. Юго-Зап. Рос. ч. 1, т. VI, докум. № ССХХІХ).

Въ полномъ согласіи съ такими воззрѣніями и желаніями Кіевскихъ богоявленскихъ братчиковъ и м. Петръ Могила, дѣйствительный организаторъ и преобразователь нашей Академіи, такъ опредѣляетъ задачу и цѣль ея: *„видячи въ церкви православной“*, — говоритъ онъ, — *для неумѣтностіи духовныхъ и для нецвѣченъя молодежи, великую утрату на дунахъ людскихъ, за ласкою и помощією Божією, и тежъ за поводомъ власной воли моею, хотячи забѣчи*

такъ великой утраты и хотячи отъ православія заблудшихъ позыскать, умыслилемъ фундовать школы“. (См. Памятники Кіев. Ком. изд. вт. т. II, стр. 410).

Какъ на оплотъ православія и русской народности въ Зап. Россіи противъ латино-польской культуры, смотрятъ на Кіевскую Академію и наши лучшіе русскіе ученые историки. Такъ, уже первый историкъ нашей Академіи преосв. Макарій *„ревность по православію“* признаетъ *„главною и ближайшею причиною появленія Кіевской Академіи“*, которая *„въ теченіе всей своей жизни любила приносить достойную благодарность святой ревности по православію воспитаніемъ не простыхъ защитниковъ, а поборниковъ православной вѣры“* (см. Исторію Кіевской Академіи. Сочиненіе воспитанника ея іеромонаха Макарія Булгакова. Спб. 1843 г. стр. 11. 12).

Еще яснѣе и опредѣленнѣе говорить о томъ же предметѣ новѣйшій историкъ Кіевской Академіи проф. С. Т. Голубевъ. *„Возникнувъ въ началѣ XVI стол., подъ скромнымъ названіемъ Кіево-братской школы“,* говоритъ почтенный ученый, *„она (т. е. Кіевская Академія) тотчасъ же стала въ уровень съ лучшими тогочасными училищами въ юго-западной Руси и, подобно имъ, на первыхъ же порахъ своего существованія представляла надежную опору противъ искусно организованной и располагавшей громадными средствами иновѣрной пропаганды“.* (См. цитов. соч. стр. II).

Наконецъ, послѣдній—не историкъ, но инициаторъ составленія полной научной исторіи Кіевской Академіи, въ виду приближающагося 300-лѣтняго юбилея ея, высокопреосвященный Дмитрій, архіепископъ Казанскій, глубоко проникающій своимъ умомъ въ историческія судьбы Церкви Христовой, такъ опредѣляетъ значеніе нашей Академіи въ исторіи русскаго просвѣщенія вообще и, въ частности, въ исторіи борьбы Западной Россіи за вѣру и народность: *„ко дню вступленія Академіи въ четвертое столѣтіе, мы должны представить русскому образован-*

ному міру образъ нашей Матери во весь ея трехвѣковой ростъ, и придать ему всю ту выразительность въ великихъ и малыхъ чертахъ, для которой даетъ обильный жизненный матеріалъ ея многосодержательное прошлое,—чтобы она, Бого-явленская Братская школа—Коллегія—Академія—Духовная Академія, древняя годами, но не дряхлая жизнію,—фениксъ самообновлявшійся, не разъ буквально самовозрождавшійся,—явилась предъ взорами просвѣщенныхъ людей окруженная ореоломъ, какъ свѣточъ, одно время единственный, осіявавшій и живившій всю Россію свѣтомъ высшаго знанія, *украшенная вѣнцомъ побѣднымъ, какъ мужественный ратоборецъ, высоко, среди даже тяжкихъ погромовъ, державшій знамя „благочестія“ (православія) и народности русской, въ борьбѣ Церкви и народа русскаго, въ борьбѣ долгое время далеко неравной, съ противникомъ сильнымъ силой матеріальной и духовной* (См. Къ приближающемуся трехсотлѣтнему юбилею Киевской духовной Академіи. К. 1901 г., стр. 3—4).

Такъ обстояло дѣло съ пониманіемъ идеи основанія и существованія Киевской Академіи доселѣ. Такъ, а не иначе оно, казалось бы, и должно обстоять, при строго научномъ, объективномъ и совершенно безпристрастномъ отношеніи къ интересующему насъ вопросу.

Но вотъ въ самое послѣднее время сдѣлана попытка рѣшить этотъ вопросъ въ совершенно иномъ смыслѣ.

Въ Краковѣ въ 1900 г. издано польскимъ ученымъ А. Яблоновскимъ сочиненіе подъ заглавіемъ: „*Akademia Kijowsko-Mobilan'ska. Zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacyi zachodniej na Rusi*“. Сочиненіе это принадлежитъ къ серіи изданій, предпринятыхъ въ Краковѣ, и относится къ отдѣлу „матеріаловъ и изслѣдованій, касающихся исторіи высшихъ научныхъ учреждений въ Польшѣ. Сочиненіе это,—что особенно замѣчательно,—*посвящено „ad honorem quin-*

gentesimi anniversarii almae matris Jagellonicae MCCCC—MDCCCC“.

Съ этимъ сочиненіемъ мы впервые познакомились за границую, въ Краковѣ. При первомъ же знакомствѣ, оно настолько заинтересовало насъ своею основною идеею, что мы, сколько помнится, прочитали его въ два вечера.

По возвращеніи въ Россію, мы ближе и обстоятельнѣе познакомились съ этимъ сочиненіемъ и дали о немъ подробный критико-библіографическій отзывъ, который и былъ напечатанъ въ нашемъ академическомъ журналѣ за прошлый годъ въ мартовской книжкѣ (стр. 450—479).

Для того, чтобы наша послѣдующая рѣчь была болѣе понятна, мы позволяемъ себѣ здѣсь кратко воспроизвести содержаніе той замѣтки.

Со стороны фактической, говорили мы тамъ, сочиненіе не даетъ ничего новаго, такъ какъ оно всецѣло основано на трудахъ лучшихъ русскихъ историковъ Кіевской духовной Академіи. Заслуга автора въ этомъ отношеніи заключается единственно въ томъ, что онъ, за весьма небольшими исключеніями, стоитъ на уровнѣ лучшихъ сочиненій по избранному имъ для своего изслѣдованія предмету.

Поэтому, не останавливаясь на разборѣ фактическаго матеріала сочиненія, мы подвергли его критикѣ исключительно со стороны основной его идеи.

Разсматриваемое сочиненіе есть трудъ несомнѣнно идейный и, какъ таковой, крайне односторонній и тенденціозный.

Основная идея, проходящая чрезъ все сочиненіе отъ начала до конца, заключается въ томъ, что Кіевская Коллегія-Академія была „единственно только посредницею между западною и восточною культурою, а сама въ себѣ не имѣла ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго“ („Była atoli“,—говорится въ оригиналѣ,—„pośredniczką jedynie. Sama w sobie nie miała ona też naprawdę nic samodzielnego, nic oryginalnego“ стр. 2).

Кіевская Академія, по мнѣнію автора, была преимущественно распространительницею польскаго вліянія, съ одной стороны, въ За-днѣпровьи, какъ входившемъ нѣкогда въ составъ Рѣчи Посполитой (напр., въ Черниговѣ, Переяславѣ Полтавскомѣ), такъ и по за-границами польской территоріи, напр., въ Харьковѣ, а съ другой стороны, на Москвѣ и во всей вообще Россіи. Это послѣднее обстоятельство и дало автору право, какъ онъ выражается, „Кіево-Могилянскую Академію, какъ учрежденіе латино-польское по преимуществу, считать принадлежащею къ кругу высшихъ научныхъ учреждений Рѣчи Посполитой вообще, и вслѣдствіе того онъ обязанъ былъ дать исторію ея за весь періодъ даже отъѣльнаго ея существованія въ юбилейной серіи монографій — въ честь полумиліоннѣтъ духовной матери Коперника“ („*mieliśmy prawo*“, говорится въ оригиналѣ, — „*Akademie Kijowsko-Mobilan'ską, ile instytucję latio-polską przeważnie, uważać za należącą integralnie do grona wyższych zakładów naukowych Rpltej wogóle, w prostem czego następstwie obowiązani byliśmy podać jej też dzieje za cały przeciąg odrębnego jej istnienia, w splocie jubileuszowym odnosnych prac monograficznych—ku uczczeniu półtysiąc-lecia macierzy duchowej Kopernika*“ (стр. 275—276).

Главнымъ основаніемъ для такого утвержденія автору служить то обстоятельство, что въ Кіевской Академіи до извѣстнаго времени были господствующими польскій языкъ и порядки, принятые въ западно-европейскихъ коллегіяхъ и въ латино-польскихъ школахъ, существовавшихъ въ Польшѣ, а также и то, что воспитанники Кіевской Академіи писали и печатали свои сочиненія преимущественно на польскомъ языкѣ.

По поводу этого утвержденія автора, мы замѣчали, что оно равносильно тому, какъ если бы кто-либо на томъ основаніи, что въ нашихъ русскихъ духовныхъ школахъ ХVІІІ и даже начала ХІХ в.в., были господствующими латинскій языкъ и порядки, существовавшіе въ западно-европейскихъ

школахъ, и паставники и ученики ихъ писали преимущественно по-латыни, сталъ доказывать, что наши духовныя школы XVIII и начала XIX в. были только посредницами между западомъ и востокомъ, разсадницами западно-европейской латинской культуры среди русскаго духовенства и народа, а сами по себѣ не имѣли ничего оригинальнаго, ничего самостоятельнаго.

Правда, въ доказательство своей мысли о томъ, что Кіевская Коллегія-Академія должна разсматриваться, какъ „институція латино-польская по преимуществу“ и причисляться къ разряду высшихъ учебныхъ учреждений польскихъ, авторъ ссылается еще на то, что Кіевская Академія, какъ Коллегія, начала свое существованіе въ то время, когда Украина находилась подъ властію Рѣчи Посполитой, и была устроена по образцу польскихъ католическихъ коллегій (стр. 1).

На это мы, съ своей стороны, замѣчали автору, что 1) насколько справедливо Кіевскую Коллегію-Академію причислять къ кругу учебныхъ учреждений, существовавшихъ въ Польшѣ, за то время, когда эта послѣдняя владѣла Украиною и Кіевомъ, настолько же несправедливо и неосновательно утверждение, что Кіевская Коллегія-Академія на протяженіи всего времени 1615—1800 г. была польско-латинскою учебною институціею, только посредницею между восточною и западною культурою, разсадницею латино-польской культуры не только въ южной, но и въ сѣверной Россіи, а сама въ себѣ не имѣла ничего оригинальнаго; и во 2) такъ какъ польско-латинскіе порядки, принятые въ польскихъ католическихъ коллегіяхъ и, между прочимъ, въ Кіевской Коллегіи-Академіи со времени митрополита Петра Могилы, были созданы не самими поляками, а взяты ими въ готовомъ видѣ съ запада Европы, то и выходятъ, что связь Кіевской Коллегіи съ Рѣчью Посполитою была чисто внѣшняя, основывавшаяся исключительно на фактѣ принадлежности Кіева Польшѣ. А такъ какъ Кіевъ пересталъ быть польскимъ городомъ юри-

дически съ 1686 года, въ силу т. н. вѣчнаго мира между Россією и Польшею, фактически же гораздо раньше, съ 60-хъ годовъ XVII в., то, слѣдовательно, Кіевская Коллегія оставалась польскимъ учебнымъ учрежденіемъ въ теченіе не болѣе 40 лѣтъ, и притомъ только по мѣсту нахождения своего въ польскомъ государствѣ, а отнюдь не по духу и характеру своему.

Въ дальнѣйшемъ содержаніи своего критико-библіографическаго отзыва мы съ особенною подробностію разбирали то противорѣчіе, которое допускаетъ авторъ и къ которому онъ долженъ былъ неизбежно придти вслѣдствіе совершенно неправильнаго пониманія, такъ сказать, идеи существованія Кіевской Академіи. Авторъ противорѣчитъ самому себѣ, когда утверждаетъ, что 1) Кіевская Коллегія-Академія, не обладавъ самобытнымъ характеромъ, не имѣла никакого положительнаго значенія въ отношеніи русской народности, и 2) Кіевская Коллегія-Академія была русскою Академією, даже русскою по преимуществу сравнительно со всѣми другими Коллегіями, существовавшими въ Польшѣ.

Въ частности, такъ какъ польскій историкъ Кіевской Академіи, поставивъ весьма важный вопросъ о томъ, въ чемъ же заключался народно-русскій характеръ Кіевской Коллегіи-Академіи, благодаря которому она была русскою и даже русскою по преимуществу сравнительно со всѣми другими высшими учебными учреждениями Польши, очевидно не пожелалъ рѣшить его, то мы, съ своей стороны, высказали нѣсколько соображеній о томъ, въ чемъ именно заключался русскій духъ и характеръ Кіевской Академіи.

По нашему мнѣнію, онъ заключался во 1) въ томъ, что Кіевская Коллегія-Академія была „благочестивою“, православною Академією, чѣмъ она существенно отличалась отъ всѣхъ другихъ высшихъ школъ Рѣчи Посполитой. А между тѣмъ въ польской республикѣ вѣроисповѣдное отличіе имѣло настолько важное значеніе и такъ тѣсно, неразрывно было

связано съ народнымъ отличіемъ, что, напр., переходъ изъ одного вѣроисповѣданія въ другое равнялся переходу изъ одной народности въ другую. Русскій православный шляхтичъ дѣлался полякомъ въ собственномъ смыслѣ слова, полякомъ во всѣхъ отношеніяхъ, когда становился католикомъ. Вспомнимъ при этомъ цѣлый рядъ русскихъ, по первоначальному своему происхожденію, дворянскихъ родовъ, напр., Стеткевичей, Огинскихъ, Четвертинскихъ, Сангушковъ и др., которые когда-то были русскими, но затѣмъ, перешедши въ католичество, сдѣлались польскими въ собственномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, перемена вѣроисповѣданія въ Польшѣ равнялась переменѣ народности. Слѣдовательно, поддержаніе и охраненіе вѣры было вмѣстѣ съ тѣмъ охраненіемъ существеннаго элемента народности. А такъ какъ Кіевская Академія и основана была и существовала для охраненія православной вѣры русскаго народа, то она и была и должна быть признаваема русскою народною школою въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Во 2) Кіевская Коллегія-Академія отличалась отъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній въ Польшѣ тѣмъ, что она одна только имѣла у себя кафедру русскаго языка, который въ теченіе 17 первыхъ лѣтъ существованія ея былъ даже главнымъ языкомъ въ школѣ, языкомъ преподаванія. Напрасно и несправедливо авторъ не придаетъ этому обстоятельству никакого значенія. Существованіе русской кафедры въ Кіевской Академіи было важно уже по одному тому, что ничего подобнаго не имѣла у себя ни одна школа въ Польшѣ, кромѣ, пожалуй, униатскихъ школъ.

Такія замѣчанія были высказаны нами по поводу сочиненія г. Яблоновскаго годъ тому назадъ въ нашемъ критико-библіографическомъ отзывѣ. Въ послѣднее время эти замѣчанія вызвали отвѣтъ со стороны г. Яблоновскаго, появившійся на страницахъ Львовскаго польскаго историческаго

„W sprawie“ Akademii Kijowsko-Mohilan'skiej“, wydanej w 1900 r. „ad honorem quingentesimi anniversarii almae matris Jagellonicae“ (rocznik XVI zeszyt 4, s. 549—586).

Въ этомъ своемъ отвѣтѣ, въ самомъ началѣ его, польскій историкъ Кіевской Академіи признаетъ нашу „библиографическую замѣтку“ важнѣйшею опѣнкою своей работы въ русской литературѣ, („w pis'mienstwie rosyjskiem“). батарею самага тяжелаго калибра, выставленную съ надлежащими подкрѣпленіями противъ его труда (стр. 549). Въ самомъ концѣ своего отвѣта авторъ его снова выражаетъ признательность намъ, какъ своему противнику, за самое поднятіе, какъ онъ выражается, въ русской литературѣ и воспроизведеніе сущности и главнаго содержанія его работы. „Если же“, замѣчаетъ онъ далѣе, „мы расходимся въ нашихъ разсужденіяхъ, стоя неразъ на совершенно противоположныхъ точкахъ зрѣнія, то это было неизбѣжнымъ дѣломъ, необходимымъ слѣдствіемъ различія въ призмѣ, чрезъ какую мы смотримъ, разницы точки опоры нашихъ разсужденій („*Że się różnimy w naszych zapatrywaniach*“,—говорится въ оригиналѣ,—*stając nieraz na przeciwnych biegunach, to było rzeczą nieodżowną, wynikiem koniecznym różnicy pryzmatu, przez jaki patrzymy, różnicy punkta oparcia naszego*“, стр. 586).

Что касается призмы, о которой упоминаетъ польскій историкъ Кіевской Академіи, то мы не знаемъ, чрезъ какую призму разсматриваетъ самъ онъ прошлыя судьбы нашей Академіи; для насъ же въ этомъ отношеніи нѣтъ и не можетъ быть иной призмы, кромѣ подлинныхъ актовъ, истинныхъ и дѣйствительныхъ фактовъ прошедшей жизни Академіи, въ которыхъ выразился ея истинный внутренній духъ. А что касается различія въ основныхъ положеніяхъ и въ исходныхъ точкахъ, то оно, дѣйствительно, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ мы смотримъ на Кіевскую Академію, какъ на школу чисто русскую, православную, какъ на оплотъ православія и русской

народности въ борьбѣ русскихъ съ католичествомъ и полонизаціей, нашъ противникъ признаетъ Кіево-Могилянскую Коллегію—Академію латино-польскимъ учебнымъ институтомъ не только по внѣшнему строю, но и по внутреннему духу и характеру, единственно только посредницею между западною и восточною культурою, не имѣвшею въ себѣ ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго.

Собственно говоря, вслѣдствіе совершенной разности въ принципиальныхъ воззрѣніяхъ на предметъ, мы могли бы оставить возраженія противника и безъ всякаго отвѣта, на основаніи извѣстнаго школьнаго правила: *inter negantes principia non est disputandum*. И, дѣйствительно, спорить съ противникомъ, у котораго совсѣмъ другіе научные принципы, другія исходныя точки зрѣнія, совершенно бесполезно. То, что въ данномъ вопросѣ представляется вполне естественнымъ для насъ—русскихъ, кажется страннымъ, неожиданнымъ и непонятнымъ для польскаго историка Кіевской Академіи.

Входить въ полемику съ такимъ противникомъ трудно, почти невозможно; но сдѣлать нѣсколько фактическихъ замѣчаній на его отвѣтъ мы все-таки считаемъ безусловно необходимымъ. Этого требуетъ важность вопроса,—вопроса о томъ, считать ли Кіевскую Академію русскою и православною, оплотомъ и стражемъ православія и русской народности, или же признавать ее вслѣдъ за г. Яблоновскимъ латино-польскимъ институтомъ по преимуществу, рассадницею латино-польской культуры въ Западной Руси и во всей вообще Россіи.

Прежде чѣмъ перейти къ рѣшенію капитальнаго вопроса, мы считаемъ необходимымъ констатировать тотъ пріятный фактъ, что г. Яблоновскій въ своемъ отвѣтѣ дѣлаетъ нѣкоторыя уступки, отказываясь отъ нѣкоторыхъ своихъ слишкомъ абсолютныхъ, какъ онъ выражается, положеній.

Такъ, напр., онъ соглашается принять сдѣланный ему нами упрекъ въ односторонности, причемъ понимаетъ эту послѣднюю нѣсколько иначе, чѣмъ понимаемъ ее мы. Онъ

готовъ признать свой трудъ одностороннимъ въ томъ отношеніи, что этотъ послѣдній не обнимаетъ своего предмета во всемъ его объемѣ, со всѣхъ сторонъ, каковой задачи онъ, будто бы, и не принималъ на себя. Между тѣмъ какъ мы подъ односторонностію труда автора разумѣли именно то, что онъ, на основаніи нѣкоторыхъ несущественныхъ отрицательныхъ слѣдовъ польскаго вліянія на Кіевскую Академію, призналъ её чисто латино-польскимъ учебнымъ институтомъ, не имѣвшимъ въ себѣ ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго съ русской точки зрѣнія.

Далѣе, авторъ соглашается и съ тѣмъ, что тѣ школьные порядки, по образцу которыхъ была устроена Кіевская Академія со времени реформы Петра Могилы, были созданы не самими поляками, но заимствованы были ими изъ Западной Европы, но только съ тою оговоркою, что поляки эти заимствованные ими со стороны порядки школьные измѣняли и преобразовывали у себя дома соотвѣтственно мѣстнымъ потребностямъ, и что русскіе заимствовали себѣ эти порядки у Поляковъ въ этомъ преображенномъ видѣ. Очень жаль, что авторъ не ставитъ при этомъ и не рѣшаетъ вопроса о томъ, а что сами-то русскіе брали у поляковъ школьные порядки въ совершенно готовомъ видѣ и оставляли ихъ безъ всякой перемѣны, или же, быть можетъ, они такъ же, какъ и поляки, подвергали ихъ измѣненіямъ соотвѣтственно потребностямъ времени и мѣста. Исторія рѣшаетъ эту дилемму какъ разъ въ пользу второй ея половины.

Наконецъ, авторъ сознается и съ тѣмъ, что характеръ латино-польскаго института не можетъ быть усвоимъ Кіевской Академіи на всемъ протяженіи 1615—1800 г. „Не была она такою ни такъ поздно, ни такъ рано“, говоритъ онъ. Спасибо и за такую уступку, свидѣтельствующую, повидимому, о томъ, что противникъ нашъ искренно хочетъ познать истинный характеръ Академіи Кіевской.

Въ этомъ отношеніи онъ остается пока непоколебимымъ, утверждая, что Кіевская Академія и по характеру, и по значенію, и по духу была латино-польскимъ учебнымъ институтомъ. Otóż odpowiadamy mu stanowczo, że przedewszystkiem i nadewszystko „dla ducha i charakteru swego“ (см. Kwartalnik Historyczny, стр. 554), замѣчаетъ онъ въ отвѣтъ на наши слова, что „Кіевская Коллегія оставалась польскимъ учебнымъ учрежденіемъ въ теченіе не болѣе 40 лѣтъ, и притомъ только по мѣсту нахождения своего въ польскомъ государствѣ, а отнюдь не по духу и характеру своему“.

Не можемъ здѣсь не отмѣтить прискорбнаго противорѣчія автора польской исторіи Кіевской Академіи самому себѣ. Дѣло въ томъ, что онъ долженъ рѣшительно избрать одно изъ двухъ положеній: или признать Кіевскую Коллегію — Академію „латино-польскою“ по духу и внутреннему характеру и въ такомъ случаѣ не отказываться отъ своихъ „абсолютныхъ“ утвержденій, въ намѣренномъ отыскиваніи которыхъ онъ совершенно напрасно упрекаетъ насъ („na co mi odrowiem jedynie uwaga, — замѣчаетъ онъ въ отвѣтъ на наше указаніе ему, что онъ самъ себѣ противорѣчитъ, когда говорить, что, съ одной стороны, Кіевская Коллегія — Академія, не обладая самобытнымъ характеромъ, не имѣла никакого положительнаго значенія въ отношеніи русской народности, а въ другой стороны, была русскою Академіею, даже русскою по преимуществу сравнительно со всѣми другими коллегіями, существовавшими въ Польшѣ, — „iż widzi sprzeczność dla tego, iż sam on doszukuje się, zbyt już „jednostronnie“, twierdzeń absolutnych, gdy tymczasem moje zdania są z natury rzeczy, względnie tylko, relatywnie, przy mocnem też ich zawarowaniu, stawiane. Kwartalnik... стр. 567), или же, отказавшись отъ своихъ „абсолютныхъ“ утвержденій, отказаться вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ основной идеи своего сочиненія, состоящей именно въ томъ, что Кіевская Акаде-

мія была по духу и внутреннему характеру единственно и исключительно латино-польскимъ институтомъ.

Какія бы уступки ни дѣлалъ теперь польскій историкъ Кіевской Академіи, сколько бы онъ ни отрекался отъ навязываемыхъ ему, будто бы, „абсолютныхъ“ положеній, но идея его сочиненія, проникающая его отъ начала и до конца, останется одною и тою же.

Эта идея весьма рельефно и краснорѣчиво выражена польскимъ историкомъ Кіевской Академіи въ самомъ посвященіи своего сочиненія „духовной матери Коперника“, т. е. Краковскому Ягеллоновскому университету въ пятисотлѣтнюю годовщину его существованія. Что, въ самомъ дѣлѣ, авторъ, посвятившій свое сочиненіе—исторію Кіевской Академіи—Краковскому Ягеллоновскому университету, хотѣлъ этимъ сказать?

Мы нисколько не ошибемся, если отвѣтимъ на этотъ вопросъ такъ, что своимъ посвященіемъ исторіи Кіевской Академіи Ягеллоновскому Краковскому университету онъ выразилъ свое глубокое убѣжденіе въ томъ, что Кіевская Академія, какъ учебно-просвѣтительное учрежденіе, исполняла въ отношеніи къ Западной Россіи ту же самую миссію, какую выполнялъ въ отношеніи къ ней и Краковскій Ягеллоновскій университетъ въ теченіе своей полутысячелѣтней исторіи, что идея существованія Кіевской Академіи была совершенно тождественна съ идеею Краковского Ягеллоновскаго университета. При иномъ пониманіи идеи существованія Кіевской Академіи посвященіе исторіи ея Краковскому Ягеллоновскому университету было бы прямымъ оскорбленіемъ „духовной матери Коперника“, подобнымъ тому, какъ если-бы кто-нибудь изъ русскихъ ученыхъ въ день предстоящаго 300-лѣтняго юбилея поднесъ нашей Академіи исторію какой-либо католической или уніатской школы, существовавшей нѣкогда въ предѣлахъ Западной Россіи и преслѣдовавшей цѣли, прямо противоположныя тѣмъ, какимъ служила наша Академія.

Какова же идея существованія Краковскаго Ягеллоновскаго университета, насколько она сознавалась его основателями и устроителями и какъ она проявилась въ исторіи? Вотъ какъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ новѣйшій историкъ Краковскаго университета К. Моравскій, издавшій свою исторію сего университета также къ 500-лѣтней годовщинѣ его. „Царствованіе Ягелло“,—говоритъ онъ,—„обеспечило Польшѣ соединеніе съ Литвою и открыло этому юному государству обширный горизонтъ Востока. Къ этимъ именно областямъ устремлялись мысли благочестивой Ядвиги, предприимчиваго и отважнаго Литовскаго князя Витовта, наконецъ, самого Ягелла. При этомъ князь политика и религія идутъ рука объ руку. Польша беретъ на себя отвѣтственную миссію распространить католицизмъ, возвысить восточную церковь изъ ея униженія и отпаденія, и питаетъ надежду, или мечту присоединить ее къ западной. Съ этою цѣлю, съ этою мыслию былъ основанъ Краковскій университетъ, какъ великій очагъ католицизма, который отсюда долженъ былъ разливать свои лучи на Литву, Русь и Молдавію. Не будемъ здѣсь анализировать и описывать успѣхи этой идеи и этой тенденціи. Мы лишь замѣтимъ, что Ягелло еще до собора (разумеется, Констанскаго) желалъ соединенія церквей и готовъ былъ все испробовать, лишь бы только успѣть въ этомъ. Въ августѣ 1415 г. онъ послалъ въ Констанцъ доминиканца Теодора Константинопольскаго съ письмомъ по поводу соглашенія съ греческою церковію; не существуетъ болѣе точныхъ свѣдѣній объ этой миссіи и ея результатѣ. Въ ноябрѣ 1415 г. Витовтъ созываетъ съ такимъ же namѣреніемъ соборъ греческихъ (греко-русскихъ) епископовъ въ Новогрудкѣ, въ Литвѣ. На немъ низложили русскаго митрополита, недостойнаго (sic?) Фотія, чтобы замѣнить его болгаринномъ Григоріемъ Самвлакомъ, примѣрная жизнь и набожность котораго были вѣрною гарантіею (его) усердія въ помощи бѣдствіямъ церкви и въ содѣйствіи къ соединенію

ея съ Римомъ“.. „При избраніи Григорія Самвлака они имѣли въ виду вопросъ о соединеніи церквей“. (Histoire de l' université de Cracovie moyen age et renaissance par C. Morawski. Traduction de P. Rongier 1900 vol. 1 стр. 172—173. 193).

Такимъ образомъ, Краковскій Ягеллоновскій университетъ, по мысли его реформаторовъ (Ягелла и Ядвиги), долженъ былъ служить проводникомъ латино-польской католической культуры въ массу западно-русскаго народа, способствовать приобщенію этого послѣдняго къ западной культурѣ, содѣйствовать даже идеѣ соединенія русскаго православной церкви съ римско-католическою церковью. Поэтому, разъ мы признаемъ, что и Кіевская Академія, по мысли ея преобразователей и дѣятелей, должна была служить той же самой идеѣ (а это и признаетъ польскій историкъ Кіевской Академіи самымъ фактомъ посвященія ея исторіи Краковскому Ягеллоновскому университету), то мы необходимо должны признать, что Кіевская Академія была „единственно только посредницею между западною и восточною культурою, не имѣвшею въ себѣ ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго“. Теперь, полагаемъ, станутъ понятными польскому историку Кіевской Академіи наши слова, что хотя „Кіевская Коллегія—Академія, какъ и все русское, находившееся въ Польшѣ, испытывала на себѣ неотразимое вліяніе польской культуры; но отъ этого далеко еще до того, чтобы сама Академія стремилась проводить польскую культуру въ сознаніе и жизнь русскихъ“. „И кто жъ бы былъ настолько безразсуднымъ“,—восклицаетъ при этихъ нашихъ словахъ польскій историкъ Кіевской Академіи,—„чтобы утверждать, чтобы даже только думать, что она „стремилась къ тому. Она прививала ту культуру среди своихъ воспитанниковъ, распространяла ее чрезъ нихъ, какъ бы добровольно, въ силу неизбѣжной необходимости, совершенно не стремясь къ тому („Во і ктѡż“,—говорится въ оригиналѣ, „byłby na

tyle niedorecznym, aby utrzymywac', aby choéby tylko mnie-mac' że ona do tego „dążyła“. Szczepiła ona tę kulturę wśród swych wychowan'ców, szczepiła ją przez nich, jakby samochcąć, z nieodzownej konieczności, nie dążąc wcale ku temu“ Kwartalnik... стр. 557).

Не можемъ здѣсь же не высказаться рѣшительно противъ послѣднихъ словъ польскаго историка Кіевской Академіи. Не отрицая несомнѣннаго факта, что Кіевская Академія, какъ и все русское, находившееся въ Польшѣ, испытывала на себѣ неотразимое вліяніе польской культуры, мы въ то же самое время рѣшигательно отвергаемъ навязываемую ей, недостойную ея миссію, будто она „прививала латинско-польскую культуру среди своихъ воспитанниковъ. распростираняла эту культуру чрезъ нихъ, какъ бы добровольно, въ силу неизбѣжной необходимости“. Польскій историкъ Кіевской Академіи, очевидно, забываетъ, что можно испытывать неотразимое вліяніе на себѣ чего-либо и вмѣстѣ съ тѣмъ бороться противъ этого вліянія, что можно сознательно воспринимать и усваивать чужое, но пользоваться имъ для своихъ собственныхъ, „самобытныхъ“ цѣлей, что, наконецъ, можно незамѣтно усвоить изъ чужого на ряду съ положительнымъ и кое-что отрицательное, но затѣмъ отбросить его, какъ нѣчто совершенно чуждое. Въ послѣдующей нашей рѣчи мы надѣемся показать и доказать, что именно таково было отношеніе Кіевской Академіи къ вліянію польско-латинской культуры на неѣ самую и вообще на русскую народность. А теперь возвратимся къ центральному вопросу нашей рѣчи, чтобы совершенно покончить съ нимъ.

Польскій историкъ Кіевской духовной Академіи, дѣлая нѣкоторыя уступки и ограниченія въ своихъ „абсолютныхъ“ выраженіяхъ, тѣмъ не менѣе остается при своемъ убѣжденіи, что Кіевская Академія по духу и характеру своему была латино-польскимъ учрежденіемъ. Въ чемъ же выразился этотъ латино-польскій ея духъ и характеръ?

Онъ выразился, по мнѣнію автора польской исторіи Кіевской Академіи, прежде всего, въ томъ, что Кіевская Академія, по внѣшнему своему строю, была представительницею т. н. латинскаго образованія, была устроена по образцу западно-европейскихъ католическихъ, въ частности, іезуитскихъ коллегій. Это—фактъ несомнѣнный и безспорный, признаваемый и русскими историками Кіевской Академіи. Одинъ изъ этихъ послѣднихъ, на основаніи сходства Кіевской Академіи съ іезуитскими западно-европейскими коллегіями во внѣшнемъ устройствѣ ихъ, широко пользуясь методомъ сравнительнаго изученія, возсоздалъ полную картину внѣшняго устройства и учебныхъ порядковъ, существовавшихъ въ нашей Академіи за самый темный періодъ ея исторіи (Разумъемъ сочиненіе профессора Н. И. Петрова: „Кіевская Академія во второй половинѣ XVII вѣка“ Кіевъ. 1895 г.) Сравненіе внутренняго устройства Кіевской Академіи во второй половинѣ XVII в. съ таковымъ же устройствомъ западно-европейскихъ школъ привело проф. Н. И. Петрова къ убѣжденію, что „образцами для внутренняго устройства Кіевской Академіи несомнѣнно служили коллегіи іезуитскія и піарскія“. Другими словами: Кіевская Академія, по внутреннему своему устройству, была представительницею упомянутого нами латинскаго образованія на Руси.

Здѣсь, кажется, будетъ позволительно сдѣлать небольшое отступленіе для того, чтобы выяснить послѣднее выраженіе.

Просвѣщеніе явилось у насъ на Руси выѣстъ съ христіанствомъ. Владиміръ св. былъ не только крестителемъ, но и просвѣтителемъ русскаго народа. Владиміръ св. былъ, видимо, одушевленъ желаніемъ насадить у насъ въ Россіи истинное просвѣщеніе. Такъ какъ самъ онъ не могъ этого сдѣлать, то долженъ былъ положиться въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всемъ прочемъ, на своихъ учителей—Грековъ. На наше несчастіе, у грековъ существовалъ особый, можно ска-

затѣ, идеальный способъ распространенія просвѣщенія. У нихъ не было правильно организованныхъ, содержимыхъ и открываемыхъ правительствомъ школъ. Въмѣсто того у нихъ бывали свободные учителя, которые собирали около себя учениковъ, передавали свои знанія имъ, а они передавали своимъ ученикамъ и т. д. Тотъ же самый способъ насажденія и распространенія просвѣщенія былъ принятъ и у насъ со временъ Владиміра св. и Ярослава Мудраго. На первыхъ порахъ онъ оказался весьма успѣшнымъ, о чемъ свидѣлствуютъ краснорѣчиво извѣстныя произведенія нашего митрополита Иларіона, который, судя по всему, получилъ образованіе у себя на Руси. Но, будучи идеальнымъ, высокимъ и даже плодотворнымъ на первыхъ порахъ, усвоенный нами отъ Грековъ способъ насажденія и распространенія просвѣщенія оказался непрочнымъ и весьма недолговѣчнымъ. Распаденіе Руси на удѣлы, сопровождавшееся внутренними междоусобіями и смутами, и особенно татарское нашествіе были несомнѣнно главными въ числѣ многихъ другихъ причинъ, по которымъ высоко развившееся и пышно расцвѣтшее просвѣщеніе у насъ быстро пало и замѣнилось простою грамотностію. Сколько бы ни усиливались иные ученые доказать, что Русь XIV—XV в.в. была достаточно просвѣщена, но никакому сомнѣнію не можетъ подлежать тотъ фактъ, что это просвѣщеніе нигдѣ у насъ тогда не возвышалось за предѣлы простой грамотности, центрами и разсадниками которой были у насъ монастырскія и церковно-приходскія школы. И какъ это ни странно, но до XVI—XVII в.в. большинство русскихъ просвѣщенныхъ людей, за немногими исключеніями, удовлетворялось такимъ просвѣщеніемъ и, повидимому, не чувствовало и не сознавало потребности въ иномъ, высшемъ просвѣщеніи и образованіи.

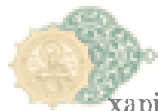
Но вотъ въ XVI и особенно въ XVII в.в. въ Западной Россіи наступаютъ инныя, особенныя обстоятельства. Сознанію лучшихъ русскихъ людей, патріотовъ во всей ясно-

сти предстала страшная гроза въ видѣ надвигавшагося на Русь полонизма и католицизма. Они прекрасно сознавали и понимали, что если русскій народъ не желаетъ быть поглощенъ полонизаціей, если онъ не хочетъ быть совершенно окатоличенъ, то онъ долженъ бороться съ своими противниками. Но какъ и чѣмъ бороться? Тѣмъ же самымъ орудіемъ, какимъ пользовались они, и на томъ же самомъ полѣ, на которомъ работали и они,—совершенно справедливо рассуждали лучшіе просвѣщенные русскіе люди. Такъ была признана у насъ, въ Западной Россіи, нужда, необходимость въ усиленіи просвѣщенія и притомъ именно школьнаго, какъ наиболее надежнаго, прочнаго, испытаннаго уже въ рукахъ враговъ. Но тутъ неизбежно возникалъ важный вопросъ: гдѣ взять образецъ для устройства своихъ школъ? Естественнѣе всего было обратиться къ Греціи, откуда мы, русскіе, получили христіанство, откуда мы заимствовали и самое первое просвѣщеніе. Но Греція, стонавшая подъ игомъ агарянскаго рабства, сама не имѣла школъ и въ это время, какъ не имѣла она ихъ и раньше. Попробовали было лучшіе русскіе люди, начавшіе тогда, въ виду наступленія грознаго врага, объединяться въ братскіе союзы, обратиться къ преданіямъ родной старины, возстановить и усилить традиціонныя программы и методы обученія — еллино-славянскаго. Западная Русь тогда быстро покрылась цѣлою сѣтью братскихъ чисто русскихъ школъ, представлявшихъ собою частію возстановленіе, а частію дальнѣйшее развитіе традиціоннаго русскаго типа школъ. Но скоро лучшіе русскіе люди, передовые борцы съ полонизмомъ и католицизмомъ, къ своему огорченію, убѣдились, что образованія, какое давали и могли давать братскія русскія школы, было совершенно недостаточно для той цѣли, ради которой они устраивались, именно для борьбы съ врагомъ. Отсутствіе въ программѣ сихъ школъ языковъ, особенно латинскаго, и нѣкоторыхъ изъ семи свободныхъ искусствъ „вельми зашкодило русскому панству“, какъ выра-

жались тогда. Стали раздаваться сначала слабые и робкіе, а затѣмъ все болѣе и болѣе смѣлые и сильные голоса за необходимость для русскихъ людей *латинскаго* образованія. Пусть не подумаетъ польскій историкъ Кіевской духовной Академіи, что русскіе образованные люди XVII вѣка безсознательно увлекались *латинскимъ* образованіемъ и тѣми школьными порядками, которые, по его мнѣнію, были заимствованы поляками изъ Западной Европы, но измѣнены и приспособлены сообразно съ національными потребностями (Kwartalnik... стр. 554). Нѣтъ, они шли на встрѣчу *латинскому* образованію, искали его сознательно, послѣ сознательной и напряженной борьбы съ собою и между собою. Въ лагерѣ русскомъ раздавались сильные голоса и противъ *латинскаго* образованія, дѣлались сторонникамъ его настойчивыя и серьезныя предостереженія противъ „грамматическаго, діалектическаго и риторическаго ученія“. Противники сего ученія настаивали на неприложимости къ догматамъ человѣческихъ соображеній,—того, что называется „діалектическими усилованіями и соосисматами, сирѣчь злохитростями“, говорили, что люди латинскаго образованія, „отступивши духовнаго разума, прельстившись геометрическими образованіями и прочими долу влачimyми брѣдными вымысловъ человѣческихъ, глаголютъ разумѣти—не отъ части, но всего божественнаго естества мнятся достигнути“, Тайну пресв. Троицы покушались „выобразить троеугольнымъ землемѣріемъ образованіемъ и прочими суемудрыми діалектическими вымыслами“, и прельстившись всѣмъ этимъ сами, и „прочихъ симъ кшталтуючи (обучая) съблзняютъ“. Въ самомъ крайнемъ случаѣ противники латинскаго образованія соглашались съ тѣмъ, что оно нужно только для развитія и упражненія разсудка, а не для постиженія божественныхъ догматовъ, такъ какъ послѣдніе выше всякаго пониманія и уразумѣнія и могутъ быть постигнуты только вѣрою, безъ пособія какихъ либо логическихъ ухищреній и вымысловъ (См. объ этомъ

подробно у К. Харламповича. Западно-русскія православныя школы XVI и начала XVII вѣка, отношеніе ихъ къ инославнымъ, религіозное обученіе въ нихъ и заслуги ихъ въ дѣлѣ защиты православной вѣры и церкви. К. 1898 г., стр. 230 и слѣд.).

Но всѣ такія возраженія и предостереженія нисколько не смущали друзей и сторонниковъ *латинскаго* образованія. Они цѣнили его не столько само по себѣ, сколько какъ средство и орудіе для борьбы съ противниками. Они, поэтому, сознательно искали его, для полученія его ѣздили за границу и „искусно отбрасывая соръ, пользовались чистымъ зерномъ, оставляя уголь, брали золото“. А болѣе просвѣщенные и болѣе проницательные изъ сторонниковъ *латинскаго* образованія совершенно справедливо разсуждали, что, пользуясь имъ, они пользовались не чѣмъ-нибудь чуждымъ, но тѣмъ же самымъ греческимъ просвѣщеніемъ, перенесеннымъ на западно-европейскую почву и измѣнившимся тамъ нѣсколько подъ вліяніемъ требованій времени и мѣста. Такъ, напр., одинъ изъ лучшихъ представителей подобнаго направленія въ средѣ русскихъ образованныхъ людей, ученый архимандритъ Кіево-Печерской Лавры Захарія Копыстенскій такъ оправдываетъ фактъ пользованія русскими „латинскою мудростью“. „Если латиняне“,—говоритъ онъ,—„хвалятся свѣтской наукою—они чужими перьями хвалятся, въ чужомъ плащѣ щеголяютъ! Ибо греческая мудрость—Платонова, Аристотелева и иныхъ философовъ греческихъ, и имъ только отчасти была удѣлена... И мы, русскіе, если для наукъ отправляемся въ края нѣмецкіе, то не ради латинской, но греческой науки, и ею мы пользуемся какъ собственностью, только на короткое время довѣренною западнымъ, причеиъ однако, искусно отбрасывая соръ, пользуемся чистымъ зерномъ, оставляя уголь, беремъ золото. И что касается даже истиннаго богословія, то и оно съ востока,—восточнымъ богословіемъ живутъ (дыхаютъ) западные!“ (Палиподія За-

харіи Копыстенскаго въ Памятникахъ полемической литературы I. 900. 901. 905 ср. у К. Харламповича цитов. соч., стр. 235—236).

Быть можетъ, польскій историкъ Кіевской Академіи подумаетъ и скажетъ, что подобное отношеніе къ *латинскому* образованію и подобныя рѣчи о немъ могли раздаваться среди русскихъ образованныхъ людей только во время господства у нихъ „братскихъ“, „еллино-словенскихъ“ школъ, но что положеніе дѣла совершенно измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ митроп. Петръ Могила,—этотъ, по выраженію его, „искренній сынъ Рѣчи Посполитой Польской, истинное дитя польской культуры (см. Akademia Kijowsko-Mohilan'ska, стр. 127), наклонилъ развитіе народно-русскаго просвѣщенія на Руси въ сторону западнаго, польско-латинскаго образованія.

Но мы уже видѣли, какъ самъ митроп. Петръ Могила смотрѣлъ на задачи фундованной имъ Кіевской Коллегіи, какъ онъ понималъ идею ея существованія и дѣятельности. А вотъ какъ относился къ *латинскому* образованію одинъ изъ ближайшихъ сподвижниковъ митроп. Петра Могилы, его преемникъ на митрополичьей кафедрѣ, первый префектъ и профессоръ Кіевской Коллегіи—Сильвестръ Коссовъ, котораго самъ польскій историкъ Кіевской Академіи характеризуетъ, какъ „искренняго сторонника окончательнаго объединенія разрозненной въ Польшѣ Руси и вмѣстѣ съ тѣмъ горячаго двигателя западной цивилизаціи среди нея“ (см. Akademia Kijowsko-Mohilan'ska... стр. 119) и на слова котораго поэтому мы имѣемъ полное право смотрѣть, какъ на голосъ самого митроп. Петра Могилы и всѣхъ вообще русскихъ просвѣщенныхъ людей—могилинскаго направленія—убѣжденныхъ сторонниковъ латинскаго образованія. Отвѣчая противникамъ (изъ лагеря русско-уніатскаго), которые говорили, что православные, какъ подвѣдомые греческому патріарху, могутъ обучать въ своихъ школахъ, кромѣ русскаго

языка, только на греческомъ, ибо польскіе короли никогда не позволяли православнымъ заведенія школы съ расширеннымъ кругомъ преподаванія, обученія на латинскомъ языкѣ, на которомъ происходило тогда преподаваніе т. н. свободныхъ наукъ, Сильвестръ Коссовъ въ своемъ *Exegesis*’ѣ говоритъ слѣдующее: „но какая же надобность въ латинскихъ школахъ нашему народу?—Та наипервѣ всего, чтобы бѣдной напей Руси не звали глупою Русью. Учитесь, говоритъ клеветникъ, по-гречески, а не по-латыни. По правдѣ хорошій совѣтъ, но опъ наиболѣе полезенъ въ Греціи, чѣмъ въ Польшѣ, гдѣ латинскій языкъ въ большемъ употребленіи. Побѣдетъ бѣднякъ русинъ на трибуналѣ, на сеймѣ, на сеймикѣ, до гроду, до земства,—безъ знанія латинскаго языка остается въ проигрышѣ (*bez łaciny—łaci winy*); ни судьи, ни стряпчачо, ни ума, ни посла; а только, какъ ворона, вытарапчивши глаза, присматривается то къ тому, то къ другому. Не слѣдуетъ насъ принуждать и къ изученію (исключительно) греческаго языка: мы заботимся и будемъ заботиться объ этомъ и при изученіи латинскаго языка, такъ что, дастъ Богъ, первый будетъ у насъ *ad chorum*, а второй—*ad forum*. Не вспоминаемъ о диспутахъ. Немного здѣсь, въ Польшѣ, поразглагольствовалъ бы по-гречески! На что, говоритъ клеветникъ, Руси учить по-латыни? Пусть учатся ей у римлянъ. Красивый для меня дятелокъ, да еще и съ носочкомъ (*pięknyśmi dzięciołek*, а *ieszczę u z noskiem*): совѣтуешь намъ ходить по міру за хлѣбомъ, когда мы имѣемъ его дома. Побирались мы имъ въ прежнее время по Ингалыпштандамъ, Олюмюнкамъ; а въ настоящее время, по милости Божіей, и сами имѣемъ его достаточно и другимъ одолаемъ. О, жадность неизмѣримая! Ты, клеветникъ, самъ имѣешь этотъ хлѣбъ болѣе чѣмъ въ достаточномъ количествѣ, однако желаешь, чтобы никто другой его не имѣлъ, въ особенности ты, бѣдная Русь, надъ которою онъ всегда стремился насмѣхаться“ (См. С. Годубева. Кіевскій митрополитъ

Петръ Могила и его сподвижники. Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія, т. П. К. 1898 г., стр. 264—265).

Какъ видимъ, русскіе образованные люди не безсознательно увлекались латинскимъ образованіемъ, но сознательно искали его, не оно стихійно поработало ихъ своему вліянію, но само русское образованное общество піло на встрѣчу ему. Латинское образованіе необходимо было русскимъ, какъ орудіе для борьбы съ противниками, и Кіевская Академія давала въ руки русскихъ это орудіе.

Намъ остается еще сказать о польскомъ языкѣ, который былъ господствующимъ среди воспитанниковъ Кіевской Академіи XVII и даже XVIII в.в., писавшихъ свои сочиненія преимущественно на польскомъ, а не на русскомъ языкѣ. Это обстоятельство польскій историкъ Кіевской Академіи, какъ мы уже знаемъ, считаетъ однимъ изъ важнѣйшихъ доказательствъ въ пользу идеи, проникающей все его сочиненіе, именно той, что Кіевская Академія была единственно только посредницею между западною и восточною культурою, не имѣвшею въ себѣ ничего самостоятельнаго, ничего оригинальнаго.

Нѣтъ спора, что языкъ, какъ выраженіе и проводникъ мысли, есть одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ культуры. Господство того или другого языка большею частію служить показателемъ господства и культуры, выразителемъ которой онъ служить. Но это послѣднее бываетъ только тогда, когда весь извѣстный народъ во всемъ своемъ составѣ подчиняется господству того или другого языка, всецѣло проникается имъ. Смѣемъ увѣрить польскаго историка Кіевской Академіи въ томъ, что до такого господства польскій языкъ никогда не возвышался въ Западной Руси. Польскій языкъ въ XVI, XVII и отчасти XVIII в.в. былъ литературнымъ языкомъ только западно-русской интеллигенціи, но далеко не всего русскаго народа. Народная масса говорила, а слѣдовательно, и мыслила по-русски, а не по-польски.

Труды Кіевск. дух. Акад. Т. III. 1903 г.

Правда, польскій историкъ Кіевской Академіи никакъ не хочетъ признать факта существованія русскаго народа, русскаго общества въ Западной Руси въ XVII—XVIII в. Но, вѣдь, это традиціонная польская точка зрѣнія на русскій народъ, какъ на хлоповъ, какъ на быдло, неимѣющее права на человѣческое достоинство,—точка зрѣнія, по меньшей мѣрѣ, не научная.

Что касается самой западно-русской интеллигенціи, то и она пользовалась польскимъ языкомъ главнымъ образомъ потому, что во-1-хъ) это былъ языкъ государственный; во 2-хъ) языкъ общепризнанный литературный и въ 3-хъ) языкъ, на которомъ только и могли русскіе образованные люди объясняться съ своими противниками, полемизировать съ ними. То правда, что большинство сочиненій воспитанниковъ Кіевской Академіи XVII в. написано и издано на польскомъ языкѣ. Но не слѣдуетъ при семъ забывать и того, что громадное большинство этихъ сочиненій—полемическаго характера. Главнѣйшая задача и цѣль этихъ сочиненій была та, чтобы познакомить тогочасное образованное общество Западной Руси съ истиннымъ вѣроученіемъ, исторією и состояніемъ православной русской церкви, равно какъ и опровергнуть тѣ возраженія и нападки на нее, какія тогда составлялись въ латино-польскомъ лагерѣ и усиленно распространялись среди русскаго образованнаго общества. Какой смыслъ, спрашивается, имѣли бы сочиненія подобныя, написанныя на русскомъ языкѣ, и кто ихъ читалъ бы? Для того, чтобы достигнуть цѣли, съ какою составлялись и распространялись русскими образованными людьми, въ томъ числѣ и питомцами Кіевской Академіи, подобныя полемическія сочиненія, они необходимо должны были писаться и печататься на польскомъ языкѣ. Голосъ русскихъ полемистовъ, писавшихъ и печатавшихъ свои сочиненія по-русски, былъ бы въ буквальный смыслъ слова голосомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Такимъ образомъ, южно-русскіе писатели второй половины XVII и XVIII в.в. латинскаго направленія пользовались польскимъ языкомъ потому, что это было необходимо и важно для тѣхъ высокихъ цѣлей, какія они преслѣдовали въ своей учено-литературной дѣятельности. А что они не увлекались совершенно безсознательно „польщизною“ вообще и польскимъ языкомъ въ особенности и что пользованіе польскимъ языкомъ и другими факторами польско-латинской культуры не подавляло и даже не потемняло въ нихъ національнаго русскаго самосознанія, за это говорить, съ одной стороны, вся ихъ церковно-политическая дѣятельность, а съ другой стороны, и то важное обстоятельство, что южно-русскіе писатели второй половины XVII в. и XVIII в. писали и издавали свои сочиненія не только по-польски, но также и по-руски. По-руски писали и печатали свои сочиненія въ XVII в не только представители словено-греческаго направленія, напр., Берында, Смотрицкій, Саковичъ, но также и лучшіе представители латино-польскаго направленія, напр., Петръ Могила, Сильвестръ Коссовъ, Оксеновичъ-Старушичъ, Славинецкій, Гизель, Галатовскій, Барановичъ, св. Димитрій Туптало и мн. мн. другіе.

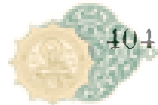
Здѣсь невольно приходитъ намъ на мысль слѣдующая историческая аналогія, могущая, какъ намъ кажется, краснорѣчиво иллюстрировать ту мысль, что южно-русскіе образованные люди XVII и XVIII в.в. пользовались въ своихъ сочиненіяхъ латинскимъ и польскимъ языкомъ сознательно и нарочито, не потому, что русскій языкъ того времени былъ совершенно неразвитъ и негоденъ для литературнаго употребленія, но именно потому, что латинскій и польскій языки были въ то время общеупотребительными въ Польшѣ органами научно-литературной рѣчи. Въ 60-хъ годахъ XIX в. только что еще начиналось возрожденіе Чехіи, которое съ тѣхъ поръ сдѣлало столь изумительные успѣхи. Чехія тогда еще была совершенно подавлена нѣмецкимъ вліяніемъ, кото-

рое положительно господствовало въ языкѣ, литературѣ, школѣ и общественной жизни Чехіи. Въ частности, въ школѣ чешской нѣмецкій языкъ былъ языкомъ преподаванія и обязательнымъ предметомъ обученія. Чешскихъ дѣтей, осмѣливавшихся читать въ классѣ молитвы по-чешски, а не по-нѣмецки, нѣмецкіе педагоги подвергали жестокому наказанію. Между тѣмъ въ Прагѣ образовался кружокъ чешскихъ патріотовъ, во главѣ съ извѣстнымъ Ригеромъ, который умѣло и успѣшно повелъ дѣло задуманнаго имъ возрожденія Чехіи на строго національныхъ началахъ. Въ цѣломъ рядѣ сочиненій чешскіе патріоты воспроизводили и восстанавливали въ сознаніи своихъ согражданъ прошлое своей родины. Сочиненія эти издавались преимущественно на нѣмецкомъ языкѣ, который былъ тогда общеупотребительнымъ литературнымъ языкомъ въ средѣ чеховъ. Нѣмецкое правительство поняло, какую важную услугу оказываетъ дѣятелямъ возрожденія Чехіи нѣмецкій языкъ. Тогда оно издало распоряженіе, которымъ признавалось необязательнымъ изученіе нѣмецкаго языка въ чешскихъ гимназіяхъ. Чешскіе патріоты, въ свою очередь, поняли, какая опасность грозила будущимъ поколѣніямъ ихъ народа отъ незнанія и неумѣнія пользоваться нѣмецкимъ языкомъ, какъ общеупотребительнымъ литературнымъ языкомъ ихъ государства и органомъ науки. Поэтому, они обратились съ воззваніемъ къ своимъ согражданамъ, которыхъ убѣждали обязательно обучать своихъ дѣтей нѣмецкому языку. Почему они такъ поступали? Потому ли, что безотчетно, въ силу крайней необходимости, поддавались вліянію нѣметчины? Или потому, что чешскій языкъ былъ совершенно неразвитъ и „неспособенъ“ для научно-литературнаго употребленія? Ни то, ни другое. Чешскіе патріоты второй половины XIX в. хотѣли воспользоваться нѣмецкимъ языкомъ, какъ общераспространеннымъ тогда въ ихъ государствѣ органомъ науки, для возрожденія своей народности, для пробужденія и развитія идей національнаго самосознанія въ средѣ своего

народа. Точно въ такомъ же положеніи находились и южно-русскіе патріоты второй половины XVII в., одинъ изъ которыхъ—Лазарь Барановичъ, признаваемый и польскимъ историкомъ Киевской духовной Академіи за убѣжденнаго сторонника польско-латинской культуры, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее въ письмѣ къ своему современнику, не менѣе извѣстному южно-русскому писателю—Иннокентію Гизелю, убѣжденъ этого послѣдняго издать сочиненіе „Миръ съ Богомъ“: „будемъ раскаиваться, если книга о покаяніи не будетъ издана. Теперь во Израилѣ немного учителей... У васъ есть своя типографія и, по настоящему бѣдственному времени, дѣло это полезное... Теперь, когда открывается случай, пречестность ваша, по предусмотрительности своей, не оставьте воспользоваться имъ, чтобы предупредить народъ отъ ошибокъ. А намъ, прежде нежели ляжемъ въ могилу, дай Богъ радоваться о первенцахъ печерской типографіи. Пусть себѣ завистники терзаются, а я вижу, что Россія подвигается впередъ. Мое мнѣніе о русскихъ такое, что настанетъ время, когда они не будутъ нуждаться въ сторонней помощи и даже будутъ пренебрегать ею“ (См. Письма Лазаря Барановича, стр. 30 и 49, ср. статью проф. Н. О. Сумцова подъ заглавіемъ: „Иннокентій Гизель. Къ исторіи южно-русской литературы XVII вѣка въ Киев. Стар. 1884, кн. X, стр. 201). Напоминаемъ польскому исторiku Киевской Академіи, что это—слова, выражающія завѣтныя думы южно-русскаго іерарха-писателя, котораго онъ самъ характеризуетъ, какъ такого, который „испыталъ на себѣ могущественное вліяніе съ дѣтства усвоенной западной культуры“, которому и „не снилось даже пытаться сбросить съ себя польщизну (otrząść się ze swej polskości i polszczyzny), которой онъ былъ обязанъ всѣмъ своимъ образованіемъ и всею своею европейскою культурою“ (Akademia Kijowsko-Mohilan'ska... стр. 147—148).

Для того, чтобы окончательно убедиться въ томъ, что южно-русскіе образованные люди второй половины XVII в., въ томъ числѣ и воспитанники Киевской Академіи, писали и печатали свои сочиненія по-польски не потому, что русскій языкъ былъ совершенно „парализованъ“ и „неразвитъ“, какъ выражается польскій историкъ Киевской Академіи, а единственно потому, что на этомъ послѣднемъ языкѣ ихъ никто не могъ читать, такъ какъ польскій языкъ былъ въ Западной Россіи общераспространеннымъ языкомъ и органомъ литературы, мы на одну минуту перенесемся въ самое сердце Россіи и прислушаемся къ голосу русскаго ученаго іерарха конца XVIII и начала XIX в. в. по вопросу, совершенно аналогичному съ разсматриваемымъ нами. Извѣстно, что въ нашихъ духовныхъ школахъ XVIII в. латинскій языкъ былъ господствующимъ, языкомъ преподаванія. Латинскія преданія въ самомъ концѣ XVIII в. были еще такъ сильны въ нашихъ духовныхъ школахъ, что ни у кого изъ нашихъ самыхъ образованныхъ іерарховъ не хватало смѣлости ввести русскій языкъ въ самое преподаваніе и учебники школьные. Въ 1765 году вышла въ свѣтъ первая русская система богословія митрон. Платона Лавшина и вскорѣ стала понемногу вводиться въ качествѣ руководства во всѣхъ русскихъ академіяхъ и семинаріяхъ, но все-таки не сдѣлалась главнымъ руководствомъ по этому предмету, а проходила только въ качествѣ дополненія къ главнымъ латинскимъ системамъ. Самая большая вольность противъ латыни, до какой только могли дойти наши богословы въ своихъ лекціяхъ къ концу XVIII в. состояла въ томъ, что въ ихъ латинскій текстъ они начали вставлять тексты свящ. писанія по славянской библіи безъ перевода ихъ на латинскій языкъ. Между тѣмъ направленіе въ пользу замѣны латинскаго языка русскимъ въ школахъ и въ литературѣ духовной все болѣе и болѣе росло. Въ 1800 г. вопросъ о преподаваніи лекцій въ духов-

ныхъ школахъ на русскомъ языкѣ былъ возбужденъ въ Св. Синодѣ. М. Платонъ Левшинъ, лучший русскій богословъ того времени и убѣжденный русскій патріотъ, писалъ по этому поводу м. Амвросію, между прочимъ, слѣдующія знаменательныя слова: „чтобы на русскомъ языкѣ у насъ въ училищѣ лекціи преподавать, я не совѣтую. Наши духовные и такъ отъ иностранцевъ почитаются почти неучеными, что ни по-французски, ни по-нѣмецки говорить не умѣемъ. Но еще нашу поддерживаетъ честь, что мы говоримъ по-латыни и переписываемся. Ежели же латинскому учиться такъ, какъ греческому, то и послѣднюю честь потеряемъ, поелику ни говорить, ни переписываться не будемъ ни на какомъ языкѣ; прошу сіе оставить. *На нашемъ языкѣ и книгъ классическихъ мало. Знаніе латинскаго языка совершенно много содѣйствуетъ краснорѣчію и россійскому.* Сіе пишу съ общаго совѣта ректоровъ—академическаго и троицкаго, и префектовъ и преосв. Серафима“ (См. Исторія троицк. сем., стр. 340—341 ср. у П. Знаменскаго. Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. К. 1881 г., стр. 746).

Итакъ, на основаніи всего, сказаннаго нами выше, мы позволяемъ себѣ сдѣлать слѣдующій выводъ. Кіевская Коллегія—Академія, устроенная ея славнымъ фундаторомъ митроп. Петромъ Могилою по образцу польскихъ коллегій, гдѣ въ основу обученія былъ положенъ латинскій языкъ и науки преподавались по схоластическому методу, по внутреннему своему характеру и духу была школою русскою и православною.

„Длиненъ путь, пройденный Академіею“, говоритъ историкъ ея; „не всегда совершался онъ при одинаково благоприятныхъ условіяхъ, не всегда съ одинаковыми силами; но всегда онъ направляемъ былъ къ одной цѣли—дать юношеству, сообразное съ возрѣніями времени, просвѣщеніе и, что главное, *просвѣщеніе въ духъ православія...* Еще при

жизни своего фундатора Коллегія дала намъ систематическое изложенеіе православнаго ученія, послѣ нѣкоторыхъ исправленій на яскомъ соборѣ, сдѣлавшееся символическою книгою всей православной церкви; дала намъ прекрасное церковно-литургическое сочиненіе, обнаружившее въ ея составителяхъ обширное знакомство съ святоотеческою литературою; дала, наконецъ, нѣсколько полемическихъ сочиненій, не потерявшихъ значенія до настоящаго времени.—На рубежѣ XVII—XVIII в. в. появляется, при нѣкоторомъ участіи бывшихъ коллегіатовъ, но преимущественно составленное трудами бывшаго питомца Коллегіи, *безсмертное произведеніе*, доставившее русскому благочестію неистощимый источникъ спасительнаго чтенія, и его автору (святителю Димитрію Ростовскому) такую „всероссійскую извѣстность, какой никто изъ церковныхъ писателей не имѣлъ ни до, ни послѣ него“ (См. у С. Голубева. Кіевская Академія въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія. К. 1901 г. стр. 28—29). Можно ли о такой школѣ сказать, что она и по духу и по характеру была школою преимущественно и исключительно латино-польскою?

Но утверждая, что Кіевская Академія всегда была строго православною и русскою школою. Любящій чистую истину историкъ не долженъ умалчивать и о томъ, что наша Академія испытала на себѣ, на ряду съ весьма многими благопріятными, и нѣкоторыя неблагопріятныя вліянія латинскаго образованія, представительницею котораго она служила. Подъ покровомъ латыни и схоластики, царившихъ въ нашей Академіи въ XVII и XVIII в. в., въ ней проникали и такія идеи, которыя чужды истинному православію. Разумѣемъ мнѣнія о времени пресуществленія св. даровъ, непорочномъ зачатіи Богоматери и др., которыя раздѣлялись и отдѣльными питомцами нашей Академіи и иногда даже цѣлою корпораціею ея учителей. Но всѣ такія мнѣнія и сужденія, бывшія не-

избѣжнымъ слѣдствіемъ господства польско-латинской науки и католическихъ идей, которыми пропитана была вся атмосфера Западной Россіи въ ХVІІ в., бывали въ нашей Академіи явленіемъ временнымъ, случайнымъ и потому какъ болѣзненные наросты сами собою съ теченіемъ времени отпадали отъ ея здороваго православно-русскаго организма.

Θ. Т.

(Окончаніе булетъ).